

К вопросу о границе Ногайской Орды и Сибирского Зауралья

Как и многие другие территории Российской Федерации, Южное Зауралье может «похвастаться» весьма низким уровнем изученности исторических процессов, как происходивших в древности, так и относящихся к относительно недавнему времени. Не стал исключением и период существования так называемых «постордынских государств» – Сибирского ханства и Ногайской Орды. Один из «темных» вопросов этого времени касается границы между этими государствами. Этот момент обычно упоминается, за редким исключением, вскользь, без уточнения. Обычно подразумевается, что границы владений различных постзолотоордынских государств на Южном Урале впоследствии воплотились в границы «дорог» / даруг.

Попыток реконструировать ситуацию разграничения очень мало. Р.Г.Кузеев определил зону ногайского господства на территории Южного Урала от низовьев р. Белой на западе до вершин рр.Яика и Ая на востоке [Кузеев, с.484]. Опираясь он на документ 1601 г. о сборе ногайцами ясака с жителей Уфимского уезда [Миллер, т.II, с.194]. Отметив, что мнение Р.Г.Кузеева подтверждается документальными материалами, В.В.Трепавлов включил в ногайскую часть еще Катайскую волост: по восточной границе Катайской волости будущей Сибирской даруги Башкирии – приблизительная меридиональная линия по южноуральским озерам Иткуль (или, может быть, Щелкун), Синарское, Касли, Кизыл-Таш, Увильды, Аргазы. Далее границу возможно провести по верхнему течению Уя (может быть до впадения в него Увельки), по обеим сторонам которого некогда также обитали «роды ногаев» [Трепавлов, с.470]. В таком случае не совсем понятно, каким образом описанная линия может соотноситься с границей Катайской волости – никогда не сталкивался с подобной локализацией племени Катай и совершенно не понимаю, откуда автор ее «взял». То есть, принимая в качестве гипотезы сам тезис, не могу согласиться с посылкой. Необходимо отметить, что определение границ тюркских волостей в Зауралье для XVI–XVII вв. является совершенно неизученной темой, поэтому каждая попытка оконтурить какую-либо волость должна быть аргументирована. Еще один момент – если по обеим берегам р. Уй «некогда обитали ногайцы», то каким образом эта река может быть пограничной? Как бы то ни было, реконструкция В.В.Трепавлова является на наш взгляд, в значительной степени «волевым» решением проблемы, хотя и выглядит достаточно приемлемо.

Очевидно, что вопрос границ должен был быть как-то раскрыт в работе В.В.Трепавлова, но материалов для реконструкции восточной границы явно оказались недостаточными. При решении проблемы реконструкции границы Сибирского ханства и Ногайской Орды надо оперировать большим количеством документов, чем информацией о территориях, с которых ногайцы собирали ясак в 1600 г., то есть тогда, когда Сибирское ханство уже не существовало. Хотя, следует отметить, что эти границы, наверняка, не были «неподвижны» в разные периоды существования ханства и Ногайской Орды.

В связи с вышесказанным, представляется необходимым попытаться собрать вместе различные документы, содержащие информацию по интересующему нас вопросу. Большая часть этих документов также относится к периоду после окончания существования Сибирского ханства, но поставление данных различных источников предпочтительнее опоры на единственный документ.

В книге Устрялова «Именитые люди Строгановы» приведен текст жалованной грамоты, данной в 1692 г. Строгановым, в которой имеются выдержки из грамот, полученных Строгановыми в разное время, в том числе, из грамоты 1574 г.: «В жалованной же грамоте 7082 году написано: он же великий государь царь и великий князь Иоанн Васильевич всея России пожаловал Якова да Григорья Аникеевых детей Строгановых, по их челобитью, велел им меж Сибири и Нагаю и Тахчей и на Тахчях и на Тоболе реке крепости им поделать, и снаряд огненной и пушкарей и пищальников и сторожей от Сибирских и от Нагайских людей держать, и около крепостей у железного промыслу и у рыбных ловель и у пашень по обе стороны Тоболя реки и по речкам и по озерам и до вершин двory ставить, и лес сечь и пашня пахать и угодыя делать и людей призывать неписьменных и нетяглых» [Устрялов, с.36–37]. Этот же документ (грамота 1574 г.) приведен в работе Г.Ф.Миллера. «... били нам челом, что в нашей отчине за Югорским камнем, в Сибирской уkraine, меж Сибири и Нагай, Тахчей и Тобол река с реками и с озера, и до вершин, где збираютца ратные люди Сибирскова салтана да ходят ратью... А иных данщиков наших Сибирской имае, а иных и убивает, а не велит нашим остяком, и вогуличам и югричам наши дани в нашу казну давати; да и на рать с собою емлет насильством в судех воевати югрич тех же остяков и вогулич; а к

нашим де изменником к черемисе, как нам была черемиса изменила, посылал Сибирской через Тахчеи и перевел Тахчеи к себе; а и прежде сего Тахчевы нам дани и в Казань ясаков не давали, а давали де ясак в Нагаи; а которые остяки живут круг Тахчеи, и те остяки приказывают, штом им наша дань давати, как иные наши остяки дань дают, а Сибирскому б дани и ясаков не давати и от Сибирскою б ся им боронити за одно. И нам бы Якова да Григорья пожаловати: на Тахчее и на Тоболе реке, и кои в Тобол Реку озера падут, идо вершин, на усторожливом месте ослободити крепости делати...» [Миллер, т. I, с. 332–333]. Таким образом, территория по Тоболу, по мнению правительства Ивана Грозного (а возможно, Строгановых, если те инициировали появление жалованной грамоты), находилась между Сибирским царством и Ногайской ордой («меж Сибири и Нагая»). Причем не просто Тобол, а река с притоками. Ситуация маловероятная, особенно если учесть место расположения Искера... Но здесь же в тексте имеется фраза про то, что именно на Тоболе «збираютца ратные люди Сибирскова салтана да ходят ратью...» – следовательно, можно трактовать текст таким образом, что земли по Тоболу являлись восточной окраиной Сибирского ханства и обосновавшись там, Строгановы оказались бы между Сибирью и Ногаями...

Возможным подтверждением того, что Тобол относился к владениям сибирских ханов может служить еще один документ, относящийся к рубежу XVI–XVII столетий. В отписке уфимского воеводы Михаила Нагого (весна 1601 г.) со слов царевича Азима говорится «а кочевать де им всем царевичам Кучумовым и наезжать себя велели на Тоболе реке, на Арал-Карагае» [Миллер, т. II, с. 195]. Посланные к царевичам люди обнаружили: «А кочуют де царевичи Канай да Азим меж Ишима и Обаги (Убагана – Г.С.) реки, в дуброве, от устья Обаги реки 3 днища конного ездю вверх по Абаге», «а брат де их большой Алей царевич... кочует от них в пяти днищах близко к Сибири, к Тобольскому городу» [Миллер, т. II, с. 196]. Можно предположить, что царевичи кочевали в пределах той территории, которая ранее входила в состав Сибирского ханства, но не находилась под плотным контролем русских. Подтверждением этого предположения может служить информация, содержащаяся в отписке тюменских воевод Ф.Ф.Пушкина и М.Г.Елизарова 1623 г., где сказано следующее: «...а больши де их тайши Байбагиш с товарищи прикочевали со своими улусы по Тоболу реке меж Тюмени от Уфы за 2 днища от Уфинской волости от Ера-Табыни (Кара-Табынской волости? – Г.С.), где кочевал наперед сего сибирский Кучюм царь...» [МИБ, с. 159].

Далее, в связи с цитированным текстом грамоты возникает вопрос о том, что же такое «Тахчеи»? Хотя чаще всего авторы пишут, что слово «Тахчеи» помимо грамоты 1574 г. нигде не встречается, в действительности это название упоминается в записках Генриха Штадена: «Тахчеи (Tahzea) совсем пусты. В этой стране нет совсем никакого народа» [цит. по: Алексеев, 2006, с. 135]. Характерно, что информация Штадена относится примерно к тому же времени, что и жалованная Строгановым, поскольку в России он прожил с 1564 г. по 1576 г. [Алексеев, с. 132]. По Штадену, Тахчея, это некая область, «страна», что согласуется и с текстом грамоты Строгановым, где называются «Тахчеи и Тобол река», т.е. Тахчея, очевидно, не является рекой. Но как бы то ни было, остается вопрос, где же эта Тахчея располагалась? По этому поводу существует ряд версий.

А.А.Дмитриев размещал Тахчею в верховьях Тавды (Тахтанская волость вогулов) [Дмитриев, с. 46]. С.В.Бахрушин полагал, что «Во всяком случае, это не народ, а страна, которая, судя по контексту, лежала в верховьях Тобола, так как в грамоте 1574 г. упоминание о Тахчехах всякий раз предшествует упоминанию о Тоболе. Упоминается название Тахчеев только в 70-е годы XVI в. и, очевидно, впоследствии было заменено другим. Легче всего предположить, что так называлась область по Туре, за которой впоследствии закрепилось название Епанчин юрт, название новое и возникшее только после похода Ермака» [цит. Алексеев, 2006, с. 136]. Как видим, исследователь предложил сразу два варианта – верховья Тобола и среднее течение Туры.

Н.А.Томилов не отрицает возможности привязки этой области к Туре и связывает ее название с представителями племени «тагчи» (тахчи), одного из ранних узбекских племен, вошедшими в состав туринских татар [Томилов, 1992, с. 33]. Выплату дани ногайцам жителями территорий по среднему течению р. Туры допустить можно, хоть и представляется эта местность слишком северной для степняков. Но в таком случае мы должны допустить, что население всей территории по рекам Исеть и Пышма (по крайней мере, в верхнем и среднем их течении) также платило ясак ногайцам, т.е. входило в состав Ногайской орды. В таком случае необъяснимо, почему после разгрома Кучума табынцы, бикатин и сынрян ушли в степь и составляли основу отрядов Кучумовичей на рубеже XVI–XVII вв.? Но об этом чуть позже.

Одна из последних версий предполагает, что «Согласно данным башкирских исследователей, верховья реки Чусовой принадлежали башкирскому племени терсяк. Именно в XVI в. терсяки по-

кинули свои родовые земли... Именно в землях терсяков, в области, именуемой в русских летописях Тахчеи, и обосновались дружинники Строгановых, основав слободу. Верховья реки Чусовой (ныне территория севера Челябинской области), согласно указу царя Ивана Грозного, являлись границей владений Строгановых» [Шумилов, 2008, с.142]. В контрапункт этому мнению можно привести выдержку из документа, относящуюся к 1579 г.: «А по жалованным грамотам и по сотной с книг письма и меры Ивана Яхонтова с товарищи 87 году и по деловой, к Чусовскому городку уезду: ... по реке по Чусовой вверх от устья по одной по левой стороне, по Усолошной стороне, до речки до Сылвы десять верст, а от устья реки Сылвы Чусовою же рекою ... Чусовскаго до верхняго городка, ... а от городка рекою Чусовою вверх по левой же стороне сорок верст до деревни до Калина лугу, а от Калина лугу по Чусовой вверх по левой же стороне до Вогульских улусов и до речки до Утки до верхней» [Устрялов, с. 65]. Таким образом, в 1579 г. владения Строгановых по р. Чусовой заканчивались на месте впадения в нее р. Утка (в некоторых документах она носила название «межевая Утка»), причем граничили они не с «Тахчеей», а с «вогульскими улусами». К тому же, не совсем понятно, почему Тахчеи должна были располагаться во владениях Строгановых, если ее население платило ясак ногайцам?

Таким образом, область Тахчеи разные исследователи размещают от территории современного Казахстана (верховья Тобола) до севера лесной зоны (верховья Тавды). Крайние значения все же маловероятны, если принимать во внимание упоминание о том, что до 1572 г. (восстание черемис) Тахчея платила ясак в Ногайскую орду, а после этого была подчинена Сибирскому ханству.

Версия, высказанная Е.В.Шумиловым о том, что Тахчея располагалась где-то в районе лесостепного Зауралья (А.В.Матвеев и С.Ф.Татауров, ссылаясь на другую статью Е.Н.Шумилова, помещают Тахчею в верховьях Исети [Матвеев, Татауров]), выглядит наиболее вероятно именно в связи с упоминанием о выплате ясака ногайцам. Аргументация же, приведенная в статье, выглядит довольно натужной [Шумилов, 2008, с.141–143]. В пользу этой точки зрения есть еще один весьма значимый, как представляется, аргумент. В одном из документов, датированном 1623 г., упоминается «да Тахчинской де волости башкирец Едегер наехал на Хама-Карагае тайшу Куралая... а башкирец де ваш Тахчинской же волости Акшагулов сын...» [МИБ, с.158; Миллер, т.II, с.350]. Таким образом, можно соотнести Тахчею с Тахчинской волостью в Южном Зауралье (на Южном Урале), хотя место расположения этой волости более точно локализовать пока нет возможности, можно лишь предположить, исходя из текста документа, что она соседствовала с Каратабынской волостью.

Как бы то ни было, мы можем, опираясь на источник, предположить, что в 1572 г. Сибирское ханство несколько сдвинуло свою западную границу, включив в свой состав территорию, называвшуюся «Тахчеи». Описания границ ханства на финальный период ее существования мы не имеем, но есть одно интересное свидетельство, которое в некоторой степени позволяет судить до куда распространялась территория ханства Кучума в Южном Зауралье. А.А.Преображенский приводит фрагмент наказа, который дали приставам Е.Ржевскому и Г.Васильчикову, направленным для встречи польского посла в 1586 г., то есть вскоре после включения земель Сибирского ханства в состав Московского государства. В наказе есть такие строки: «А ясаку положил на Сибирское царство и на Конду Большую, и на Конду Меньшую, и на Туру-реку, и на Иртышь-реку, и на Иргиское государство, и на Пегие колмаки, и на Обь великую реку и на все городки на сибирские, на девяносто и на четыре города з году на год имати на государя по 5 тысяч сороков соболей, по 10 тысяч лисиц черных, да по 500 тысяч белков ебольших, сибирские и илетские» [Преображенский, 1972, с.50]. Поясняет ситуацию одна из карт «Большой чертежной книги Сибири» С.У.Ремезова, где показан «Бор Илетской длина его от усть Ика реки, меж Тоболом и Мясом...» [Ремезов, с.91]. Илетские белки, это белки из Илетского бора (Илет-карагай), на это обстоятельство обратил внимание В.Д.Пузанов [Пузанов, 2001, с.7]. Остатки этого лесного массива, сохранившиеся близ устья реки Ик, сегодня называются Илецко-Иковский бор. Можно предположить, что эта территория, т.е. междуречье Миасса и Уя (примерно параллельно друг другу текут именно эти реки, к тому же вплоть до начала XVIII в. именно реку Уй часто считали истоком Тобола), входила в состав Сибирского ханства.

Еще один информационный пласт, который, возможно, будет не лишним учитывать при рассмотрении вопроса о границе Ногайской орды и Сибирского ханства – это сведения о зауральских тюркских племенах, которые, если не полностью, то в значительной части, ушли в степь, к кучумовичам. Речь идет о племенах бикатин, сырян (сырян) и табын. Наиболее конкретно это звучит в уже цитированной отписке Михаила Нагого: «...с ними, з двема царевичи (Канаем и Азимом – Г.С.), человек с 150, а все табынцы...», «...а с ним (Алеем – Г.С.) де кочуют братья их меньшие и сырянцы и мякотинцы, а сказывают де с ним человек до 300 и больше», «...пришли де от Кучумо-

вых детей в тое Каратабынскую волость 20 семей башкирцев с женами и с детьми; а бывали де, господине, оне прежде того тое же Каратабынские волости ясашные же башкирцы, были с Кучумом» [Миллер, т. II, с. 196–197]. Попробуем рассмотреть, где же располагались волости этих племен. Правда, в моем распоряжении имеется только информация на конец XVII в., но представляется, что это не критично, по крайней мере, у нас нет документальных данных об изменении местоположения этих племен на протяжении XVII в.

Граница Табынской волости, по документу 1692 г. в Зауралье проходила следующим образом: «на вершину реки Урака и до устья оной на речку Ай до устья горы Шунгурьюя, потом уральскую Мулдыбыик по речке Миясу и горе Укне-Имякне и на озеро Идрязи; поворот от оного на речку Тикюс и по оной до брода Кармали, со оного по речке Сумляне и до брода Буракая лежащего через реку Миас, до устья реки Уя и до степи состоящей за рекою Тоболом, до озера Юбелея и от оного до вершины реки до Черного тока и до местечка Акиар-Гиргу, от коего поворот до Чюрика-Икая» [МИБ, с. 80]. Если перевести ориентиры на современные названия, то от р. Ай по р. Миасс до озера Аргази, либо Идрязи, затем, очевидно, до р. Теча, оттуда до брода в районе впадения р. Чумляк (Сумляне) в р. Миасс и далее на устье р. Уй и за Тобол – огромная территория. Эти данные, в значительной степени подтверждаются документами XVIII в. Надо добавить, что и верховья Яика (Урала) входили в Каратабынскую волость – Верхо-Яицкая пристань, нынешний Верхнеуральск, была поставлена на землях именно этой волости.

Мякотинская (Бикатинская) волость включала в себя территории с озерами Касли, Иртяш, Большая и Малая Наноба, реки Кыштымка и Маук, вплоть до реки Синары – большую часть своих территорий бикатин продали Я. Коробкову и Н. Н. Демидову под постройку Каслинского и Кыштымского заводов [ОГАЧО, ф. И-172, оп. 1, д. 6, л. 2 об.–3; ОГАЧО, ф. И-172, оп. 1, д. 7, л. 114–117]. О границах Сырянской (Сынрянской) волости говорится в документе 1673 г.: «Вотчина де у них у сенирянцов у всех вопче за Урал горою, на степной стороне, а межа той вотчине с вершины речки Багаряк и до устья, а от той речки с вершины речки Елганды (совр. Боевка – Г.С.) и до устья, а от устья той речки по речку Казиганды до вершины и до устья, да на вершины речки Уйлабасты и до устья, да через речку Сесер (Сысерть – Г.С.) на сосняг а с того соснягу на вершины речки Исеть и с вершины Исети на речку Уктус, с устья и до вершины» [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 1092, л. 81], в другом документе упоминается, что на территории Сынрянской волости поставлены Ремянская (Арамильская), Камышенская и Багаряцкая слободы и Колчеданский острог [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 1092, л. 81 об.].

Если принять, что табын, бикатин и сынрян поддержали Кучума и, впоследствии, его сыновей в силу того, что являлись подданными Сибирского ханства, тогда встает другой вопрос – почему практически не известны сообщения о присутствии в «кочевьях» Кучумовичей представителей других племен Зауралья? Однако и здесь все не просто, в 1661 г. из степи вернулось много «выходцев» – людей, которые как раз таки кочевали с Кучумовичами, а возвратились домой, очевидно, из-за бесперспективности дальнейшей поддержки «царевичей» и абсолютного преобладания калмыков. Об их количестве говорит подслушанная русским толмачом информация: «...говорили де при мне те выходцы и хвалятца идти войной на Катайский острог и на Далматову пустыню во штистах, а в четыр де ста отпустим наперед себя в свою землю з женами и з детьми и со скотом» [МИБ, с. 159]. Причем значительная часть «выходцев», как следует из приведенного фрагмента, до ухода в степь жила на Исети. На это есть и более конкретное указание, одна из групп «выходцев»: «... били челом великому государю, чтоб им жить на старых своих жилищах на Исети реке от Тюмени в 5-ти днищах» [Миллер, т. III, с. 439]. Более чем вероятно, что среди этих людей были представители других тюркских племен Зауралья, помимо, названных выше.

Кроме уже приведенных, необходимо привести здесь данные еще одного документа, относящегося к концу XVII в. Это челобитная крестьян зауральских слобод, поданная в 1695 г., где говорится: «от сибирских земель и угодей Уфинского уезду земли их всякие угодья и башкирские их жилища [разделил] Камень Урал до Яицких вершин и межа земли посереде того Камени, ис которых мест в Сибирь потекли реки, также и з другой стороны Камени потекли воды в Уфинской уезд в русские реки; а прежние де их башкирские жилища на уфинской стороне Камени по-рекам по Белой, по Аю, и по Уфе и в ыных тамошних местех и поныне есть» [МИБ, с. 97–98]. В данном случае нас интересует не вопрос о расселении башкир, а совершенно конкретное утверждение, что границы Сибирского ханства простирались до Уральского хребта.

Если собрать вместе все аргументы, приведенные выше, то складывается довольно интересная картина – лесостепная и частью лесная зона Южного Зауралья входили в зону влияния Сибирского

ханства, видимо, включая верхнее течение Тобола, Миасс, Уй. В какой-то мере южная и юго-западная граница царства Кучума совпадает с более поздней границей Каратабынской волости. Косвенным подтверждением этого является граница Ногайской и Сибирской даруг, показанная на карте Пестрикова, составленной в 1736 г. [РГАДА, ф.192, № 5]. Ногайские владения включали Яик, кроме верхнего течения и, очевидно, не распространялись на восток. Естественно, в периоды ослабления Сибирского государства, ногайцы вполне могли расширять сферу своих «интересов», так же как и после поражения Кучума.

Показанный выше вывод вряд ли можно считать окончательным, поскольку далеко не исчерпан «запас» источников. Откровенно говоря, результат анализа доступных мне документов оказался неожиданным для меня самого – стереотип о границе, проходившей примерно так, как обозначил ее В.В.Трепавлов, сидел в голове довольно уверенно. Но когда начал выстраивать именно документальные свидетельства, то граница начала «сдвигаться». Интересно то, что археологические материалы позволяют определить границу расселения кочевого и лесостепного/лесного населения для периода раннего железного века и средневековья до XII–XIII вв., эта граница в Южном Зауралье проходит «по бассейну рек Миасс, Тобол (севернее Кургана), Ишим (севернее Петропавловска)...» [Боталов, 2000, с.210]. В какой-то мере эта граница совпадает с вариантом В.В.Трепавлова. Однако, документы XVI–XVII вв. показывают другую ситуацию. Несомненно, эта тема нуждается в дальнейшей разработке, с привлечением дополнительных материалов.

Список литературы и источников

Алексеев, 2006 – Алексеев М.П. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей XIII–XVII вв.: Введение, тексты и комментарий. 3-е изд. Новосибирск: Наука, 2006. – 505 с. (СО РАН. Избранные труды).

Боталов, 2000 – Боталов С.Г. Поздняя древность. Средневековье // Древняя история Южного Зауралья. Том II. Ранний железный век и средневековье. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2000. – 494 с.

ГАСО – Государственный архив Свердловской области. Ф.24. Оп.1. Д.1092.

Дмитриев, 1984 – Дмитриев А.А. Пермская старина. Сборник исторических статей и материалов преимущественно о Пермском крае. Пермь: Издание автора, 1894. Вып. V: Покорение угорских земель и Сибири. – 227 с.

Матвеев, Татауров – Матвеев А.В., Татауров С.Ф. Сибирское ханство: военно-политические аспекты истории. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2012. – 260 с.

МИБ – Материалы по истории Башкирской АССР / Отв. ред. А. Чулошников. Ч.1. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1936. – 631 с., карты.

Миллер, т.I – Миллер Г.Ф. История Сибири. Изд. 3-е. Т. I. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2005. – 796 с.: карты.

Миллер, т.II – Миллер Г.Ф. История Сибири. Изд. 2-е дополненное. Т. II. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. – 630 с.: ил., карты.

Миллер, т.III – Миллер Г.Ф. История Сибири / Ред. кол. Батянова Е.П., Вайнштейн С.И. и др. Т. III. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2005. – 598 с.: ил., карты.

ОГАЧО – Объединенный государственный архив Челябинской области. Ф. И-172. Оп. 1. Д. 6, 7.

Преображенский, 1972 – Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII века / Отв. ред. Нечкина М.В. М.: «Наука», 1972. – 392 с.

Пузанов, 2001 – Пузанов В.Д. Военно-политические факторы колонизации Приисетья. Шадринск: ПО «Исеть», 2001. – 46 с.

РГАДА, ф.192, № 5.

Ремезов – Ремезов С.У. Служебная чертежная книга [Электронный ресурс] – http://www.revival-of-tobolsk.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=428&Itemid=379

Самигулов, 2011 – Самигулов Г.Х. Тюрки Южного Зауралья в конце XVI – первой половине XVIII в.: консолидация/разделение – к постановке вопроса // История экономика и культура тюрко-татарских государств Западной Сибири (материалы международной конференции). Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2011. С. 127–131.

Томилов, 1992 – Томилов Н.А. Этнический состав тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины конца XVI – начала XX в. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1992. – 271 с.

Трепавлов, 2002 – Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2002. – 752 с.

Устрялов, 1842 – Устрялов Н.Г. Именитые люди Строгановы. СПб.: Типогр. штаба военно-учебных заведений, 1842. – 120 с.: прил., карта.

Шумилов, 2008 – Шумилов Е.Н. О местонахождении Тахчеи // Вопросы истории. 2008. № 9. С.141–143.